

Кирилл
ОЛЮШКИН
г. Москва

Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности.

Н. В. Гоголь

Прошло уже больше года с тех пор, как наш городок взбудоражила эта история, но слухи не иссякают.

Говорят о каком-то безголовом привидении, пугающем по ночам прохожих, о голодном медведе, сбежавшем из бродячего цирка. Умудряются приплести даже зеленых чертей на крыше горсовета, которых якобы регулярно видит наш городской голова господин Куприянов. Но пуще всего опасаются верхней одежды. Нет ничего удивительного, что буквально в прошлую пятницу слышал я разговор:

— Моего Гудкова на вещевой рынок теперь не затынешь, наслушался ерунды и врет, что даже курток боится. А я хожу зимой с голым задом. Как тебе, а?!

— Да, полная ж...

И все из-за моей шубы.

Это она до смерти перепугала всех, едва появившись на свет. Да вы, может быть, помните. Случай с шубой попал в раздел новостей одной телевизионной программы (правда, в какой-то несерьезной рубрике) и удостоился внимания пяти (я проверял!) газет. Вы наверняка читали, просто не поверили. И напрасно.

Если подумать, даже самые неправдоподобные истории в основе своей правдивы.

Я попытаюсь пресечь нелепые сплетни и наконец-то все объяснить. Однако не обессудьте, начать придется несколько издалека.

Британец, в 1589 году построивший первую трикотажную машину, несомненно, вложил душу в свое изобретение. Его труды привели к небывалому скачку в развитии промышленности, всемирной славе английского сукна и, уж заодно, к идее огораживания, разорившей полмиллиона британских фермеров. Двести лет спустя чудо-машина, благодаря щедрой душе и сметливому уму другого подвижника, из ручной сделалась механической. А в двадцатом веке станок усовершенствовали настолько, что никого теперь не удивляет даже искусственный мех, произведенный с его помощью.

Мне неизвестно имя человека, впервые разглядевшего гуманность синтетического волокна. А ей-богу, жаль! Очень вероятно, что он, пацифист, вегетарианец и физкультурник, жив до сих пор. И может порадоваться счастливому воплощению в жизнь своих когда-то фантастических проектов. Люди постепенно отказываются от привычки носить на себе звериные шкуры.

Действительно, по слухам, на Западе даже всеми боготворимая кинозвезда, появившись на публике в беличьей или (упаси Господи) котиковой шубке, рискует быть просто растерзанной защитниками живой природы. И поделом. Текстильных рабочих по миру, как известно, пруд пруди, да они еще умудряются заводить потомство, а котики кончаются. В такой ситуации искусственный мех — спасение, тем более что кое-где охота на пушного зверя уже не просто запрещена: занялись отстрелом собственно звероловов.

До нашей страны все эти прогрессивные идеи, как обычно, добрались с некоторым опозданием. Да и то благодаря случайности почти невероятной.

Одного крупного бизнесмена (он в свое время, как — вдруг — оказалось, позаимствовал из государственной казны до миллиарда) признали вором практически официально. Бизнесмен объявлен в международный розыск, поэтому теперь живет в Шотландии, от нечего делать пишет воспоминания. Уже завершённые первая и вторая части этих мемуаров напечатаны в нашей стране четырежды,

лучшим издательством, на мелованной бумаге, общим тиражом свыше 250000 экземпляров. Одна из глав, о жизни западной элиты, судя по всему, и вдохновила популярного российского кутюрье на создание знаменитой «Зеленой коллекции». Так совместные действия прокуратуры, Министерства иностранных дел и ряда силовых структур совершенно неожиданно оказали заметное влияние на мир высокой моды.

Альтернативная «Зеленая коллекция» ультрасовременной одежды произвела настоящий фурор. Ее автор не просто следовал общемировым идеям «зеленых», — в своей области он довел эти идеи до логического завершения.

Задумаемся: ведь все мы привыкли к мысли, что искусственные материалы — всего лишь подделка материалов подлинных. Иными словами, в глазах большинства синтетическая песцовая шуба — то же, что натуральная песцовая шуба, только хуже. С такими стереотипами песка не сбережешь. Значит, нужно, наконец, найти для синтетики ее собственное лицо, вдохнуть в нее жизнь! Принцип прост: крайняя оригинальность во всем, от внешнего вида ткани до покроя и аксессуаров.

Во время показа коллекции миловидные девушки носили на себе по подиуму: вечерние платья в виде мусорных пакетов, идеально прямоугольные туфельки, шапочки, напоминавшие трусики, и трусики, уже и вовсе ни на что не похожие. Украшения из пластиковой бересты и сумочки-трансформеры. Наконец, шубы: неопределенных цветов, необыкновенно тесные или, наоборот, — мешком, с прорезами на самых неожиданных местах, сшитые вручную, крупными мужскими стежками и, как правило, — с помощью полиэтиленовых веревок в палец толщиной. Словом, толково было придумано. Дамы от восторга с ума посходили. Что не удивительно.

А вот дальше началась мистика.

Студентка горнотехнического колледжа Катенька Петрова, увы, не могла позволить себе настоящую, авторского пошива, мод-

ную шубу. Повышенной стипендии Катеньки, со всеми городскими и федеральными надбавками, в лучшем случае, хватало на комплект хорошего кружевного белья, на такую косметику, чтоб подружки не хихикали, да на те средства гигиены, которые, кроме как в телевизионной рекламе, прилюдно называть не принято. Я не говорю о пропитании, Катеньку, в отличие от большинства обитателей студенческого общежития, слава Богу, кормили родители. Но кино? А дискотеки — неужто пропускать? (Это нам с вами смешно, а большинство барышень без танцев помирает. Да и тем, кто, в принципе, выжил бы, тоже нужно как-то замуж выходить. Или, на крайний случай... В общем, ничего смешного.) А хоть изредка — чашка кофе в баре, как без этого? А (проговоримся уж) сигареты? А... Короче, между нами говоря, сволочи они, те, кто девятнадцатилетним девчонкам такие стипендии назначают.

Но, загоревшись идеей приодеться, Катенька приобрела выкройку, набор игл и моток суровых ниток. В качестве сырья решено было использовать фальшивой куницы бабушкин салоп, пожертвованный мамой коврик в виде шкуры енота и собственную Катину дубленку из синтетического барана...

Вам никогда не случалось от души заниматься делом, к которому вы не имеете ни малейшей склонности?

Нитки путались, иглы норовили исколоть неловкие пальцы, а швы расплзались, порой доводя Катеньку до слез. Подгоняли обещавшие скоро быть морозы и мечта, что вот уже через несколько дней она, Катенька, пройдет в новой шубе по улице. Мимо растущих день ото дня пегих придорожных сугробов, мимо занесенных сероатой снежной крупой помойных баков, мимо своего техникума (ну, колледжа, колледжа), а там, на крыльце, в толпе курящих парней... Замечтавшись, Катенька улыбалась и снова ранила себе ладони, и снова, покачивав головой, склонялась над работой.

И вот готовая шуба лежала у нее на коленях.

Шуба была ужасна, как фальшивая нота в патетическом соло, и — прекрасна, словно первый шаг неуклюжего карапуза.

Катенька с гордостью разглядывала чудовищный покрой, собранные в гармошку швы и многочисленные разноцветные заплатки, — плод фантазии великого кутюрье и ее собственного многодневного труда...

И душа шубы, словно из лоскутков, сшитая из ярких мыслей, благородных порывов и благих намерений сотен людей, работавших многие века для того, чтобы появилась она на свет, — душа с благодарностью потянулась к юной портнихе.

Чем может выразить свою любовь теплая одежда? Только укутать, согреть, приласкать миллионами шерстинок...

...Услыхав пронзительный визг, мама Катеньки бросилась в комнату дочери.

Девушка лежала на полу без чувств. А шуба пропала. Ноябрьский ветер, свирепо урча, ломился в разбитое окно.

Ограниченно годный к военной службе рядовой запаса, внештатный корреспондент газеты «Изба и пашня», гитарист, певец и вечный студент-гуманитарий Даниил Хван с детства считал себя поэтическим гением и на этом основании пил горькую.

Холодным осенним вечером, часу в десятом, Хван, возвращаясь домой с презентации коллективного сборника молодых поэтов «По колено Е», остановился посреди городского парка в мучительном раздумье. Стихотворца ошутимо покачивало ветром, но идти домой, в общежитие, решительно не хотелось.

Существовали варианты: налево, чтобы навестить подругу детства Дуняшу Кац, или опять же налево, но с другой целью, — сперва через микрорайон дворами, а после к аспирантке юридического института Ковалевой А.Н.

Поразмыслив, Даниил все-таки повернул налево, по давней своей привычке громко вопрошая засыпающий парк довольно высоким, мало созвучным времени штилем:

— Куда направлю стопы я?!

И далее, ни к кому конкретно не обращаясь, но, очевидно для ясности, заметно выбиваясь из ямба:

— Все равно сначала в круглосуточный, а там поглядим.

К несчастью, хотя решение было сформулировано, озвучено и даже принято к исполнению, стопы подвели самым безобразным образом. Поскользнувшись, поэт Даниил Хван плюхнулся в подернутую ледком лужу. Попытался встать — и снова плюхнулся. Кажется, подвернул ногу. Оставалось только выползти из воды, сидя прислониться к ближайшему дереву и пропадать, предаваясь печальным размышлениям.

Позвать на помощь? Посреди нашего городского парка в десять вечера, будучи заметно утомленным поэтической презентацией и с поврежденной ногой? Да вы смеетесь! Денег немного, но все равно жалко, и морда лица не казенная. Будьте благонадежны, — оберут до нитки да еще побьют. Кушано всласть. Не на облаке живем, прости Господи. Нет, пропадать, пропадать.

Тут несчастный поэт, расчувствовавшись, обнял березку и даже немного всплакнул. А когда слеза смигнулась, икнул от неожиданности.

По боковой аллее парка к Даниилу спешил какой-то гражданин.

Уличное освещение в нашем городе по вечерам и ночью не действует из экономии, а днем и так светло, — немногочисленные фонари парка были мертвы. Почему-то не слышалось шагов, хотя незнакомец казался грузным, широкоплечим, закутанным с ног до головы в какое-то немислимое одеяние. Шуба? Шинель?.. Пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в ноябрьском сумраке, Хван приподнялся на локте.

Закутан с ног до головы?..

У незнакомца не было головы. Поэт в ужасе замер. У незнакомца не было и тела. Как парус, надутая ветром, размахивая пустыми рукавами, к Хвану приближалась шуба. Одна шуба, без человека в ней. **ЖИВАЯ ШУБА.**

Тоненько заверещав, Даниил вскочил на ноги и отчаянно припустил в сторону редких огоньков микрорайона, тут уж не до вывиха.

...Полчаса спустя поэт Хван, обмотав избитые чресла мохнатым купальным поло-

тенцем, сидел на маленькой уютной кухне, стучал зубами о край граненого стакана с горячим чаем и, постепенно приходя в себя, слушал, как полусонная аспирантка Ковалева А.Н. бранит его кобелем, импотентом и задраным алкоголиком. Впервые в жизни слушать нелогичную ругань подружки поэту было приятно и успокоительно.

— А пожалуй, правда, пора мне полечиться от этого дела, — благодушно кивнул Хван, погладил аспирантку по теплomu колену и потянулся к стоящей на кухонном столе «Старосветской особой».

Глухой ночью в дальнем углу городского парка бесформенной грудой лежала на куче березовых листьев шуба. Листья на мерзлой земле много дней как скукожились и почернели. Они походили на трупики крохотных человечков. Шубу заметала колючая ноябрьская поземка.

Шуба страдала.

Ей нипочем были снег и холод, мучило другое.

Ее создали, чтобы она согревала. И что же? Девушка-портниха, последняя, кто вложила в шубу частичку своей души и тем оживила бездушный искусственный мех, пришла в ужас от содеянного. Как же иначе объяснить ее обморок? Но почему? Что не так? Чтобы согреть, нужно укрыть, или обнять, или... А пришлось в испуге бежать, да еще разбив при этом окно.

Шуба заворчалась в поземке от обиды и стыда.

А тот, другой? Ведь он, глупый, где-то умудрился вымокнуть с ног до головы, замерзал. И вот когда спасение оказалось совсем рядом... Ах, ах... Ну, что же не так?..

Поземка отозвалась жалобным писком.

Шуба беспокойно подобралась, настороженно приподняв модный кособокий воротник.

Да, сквозь вой ветра — отчетливо:

— Мня, иииии, мня, мня, мня...

Чуть в стороне, там, где кто-то свалил в кучу прогнившие доски, чумазей ночи чернела зловонная яма. И в этой яме, кажется, кому-

то было холодно... Без сомнения, кому-то холодно!

И, верная своему долгу, шуба поспешила на помощь.

...Согревшись, щенята почти совсем успокоились, только время от времени один из них, совсем голопузый, рыженький, тихонько подвывал во сне. Наверное, от голода.

Но в яме совсем не было съестного. Хорошо, хоть укутать — шуба малышей укутала. Скатилась в яму как раз вовремя, прямо под озябшие лапки, разглядела в темноте шесть пар блестящих глаз-пуговок, все поняла и бережно собрала кутят в левую полу, потеплее укрыв правой. Теперь недурно было бы подумать, что делать с неожиданными приемышами дальше, но счастливая шуба гнала от себя неприятные мысли.

Рыженький снова завозился. Шуба ласково провела рукавом у него между ушей, но щенок, твякая, выскользнул из-под полы и заковылял прочь на подгибающихся ножках. Шуба потянулась за ним, но тотчас пробудились и пять остальных. Шуба приподнялась, как потревоженная наседка, и тут на нее сверху ухнули: сначала дочиста обглоданное телячье ребро, а потом в диком исступлении — огромная собака.

Беспризорная сука Найда (иные называли ее Стрелкой, Мамулей или просто Пошла отсюда, зараза) лишний раз убедилась: нельзя оставлять этих высерков надолго одних, пусть и ночь давно, и брюхо подводит.

Сначала Мамуля решила, что на щенков свалился и тут же заснул какой-то здоровенный бродяга. Но — увидела только ком искусственной шерсти, почуяла, что сопротивление не будет, — и взярилась.

Первым движением шубы было прикрыть от нападения приемышей. Потом сил хватало только на то, чтобы ползти из ямы, по возможности не задевая ни щенят, ни их свирепую родительницу. Лишь бы никому не повредить, лишь бы никого не... Господи...

А так тебе, бл...! Не лезь помочь, куда не просят! В-rrrrrr-аххх! И не ударишь в ответ?! Так на части тебя! Клыками грызть будем, когтями

рвать! Слюной вонючей зальем!.. Бей, бей, топчи лежачего! Г-rrrrrrrrrr-ыххх!..

Ах, это высокое чувство горячего гнева! Ах, «правда за нами!»! Ах, святое упоение схваткой!.. Добивай! Добивай!! Добивай!!!

И — не правда ли? — так приятно потом глядеть на своих — восхищенных, испуганных, почтительно присмиривших! Чтобы знали! Чтобы все знали! ВСЕ! Ах...

Мамуля насытилась победой уже далеко от ямы. Последний раз рванула затихшую жертву зубами, ненадолго присела над ней и беспешно двинулась восвояси, гордо повиливая тощим задом.

Шуба осталась лежать на покрытом ледяной коркой, в пятнах мочи снегу.

С самого раннего утра Талоев успел переделать множество дел.

Был на рынке, где полусонные, похмельные грузчики в грязных ветровках носили из фургона к ларьку ящики с побитой, прихваченной морозом хурмой, вялым укропом и лиловыми баклажанами. Когда один из ящиков опрокинулся, баклажаны рассыпались и стали похожи на стаю галок, присевшую в снег.

— Говно, — буркнул Талоев и лениво пихнул оплошавшего грузчика ногой в живот.

Потом отправился к куратору рынка, в кабинете которого побеседовал с двумя молодыми людьми в кожаных куртках поверх спортивных костюмов. Юноши казались близнецами: оба сероглазые, белобровые, с тонкими, растрескавшимися губами. Они хотели вперед за следующий месяц. Талоев пожаловался на несоблюдение договора, повздыхал, но денег дал.

Потом съездил к сестре, наблюдал, как она кормит высохшей грудью младшего — уже четвертого — племянника, пил чай с конфетами и говорил на родном языке.

Потом, терпеливо отстояв очередь, получил в Социальном отделе пенсию как инвалид и вынужденный переселенец.

Потом обедал в закусочной возле вокзала, равнодушно смотрел, как путейцы в перемазанных тавотом оранжевых жилетах украдкой доливают водку в компот, и швырял кусочки

зеленоватой жареной печени местному коту-попрошайке.

Потом решил отправиться домой, передохнуть до вечера.

По пути домой в дальнем конце Городского парка Талоев увидел на снегу рваную шубу.

— Говно! — удивленно сказал он и наклонился над находкой, с отвращением вбирая волосатыми ноздрями запах псины.

Потом немного подумал и, брезгливо ухватив шубу двумя пальцами за воротник, поволок ее за собой, до дома оставалось всего ничего.

Ветхий деревянный дом, пару лет назад приобретенный Талоевым за триста долларов у Наташки-доходяги, обладал всего одним, но очень важным достоинством: правой своей пристройкой дом нависал над осыпающимся речным обрывом. Жилье считалось аварийным и в скором времени, по обязанности городских властей, обещало превратиться в новую трехкомнатную квартиру. До тех пор, пока это превращение не совершилось, Наташка, по доброте нового хозяина, имела возможность ночевать в той самой, ни для чего путного, к сожалению, не годной правой пристройке.

Услышав скрип калитки, Наташка опустила ватные ноги с продавленного дивана в невымытые калоши, толкнула дверь, выходящую прямо во двор, и побрела навстречу Талоеву.

— Где тебя носит, черта? Дай...

Но Талоев, спокойно обогнув протянутую к нему руку, вошел в пристройку, огляделся, гадливо поморщился на кучу мусора в углу и бросил на пол принесенную с собой грязную шубу.

— На.

— Ты издеваешься, гад? Это еще что?

— Нашел. Порошок дам, стирай, воняет. Перед дверью постелю, ноги тереть.

— Что?!

Лицо Наташки, и без того некрасивое, в подсохших оспинах и мелких синеватых прожилках, скривилось. По сальной прядке со лба на угреватый нос сползла капля пота. Талоев сплюнул.

— Дрянь.

— Ты еще лаешься, паразит?! Дай!

— Постираешь, может, и дам.

Талоев повернулся, чтобы уйти, но едва не потерял равновесие и не упал, когда Наташка, визжа, обеими руками вцепилась сзади в его рукав. Визжала Наташка иступленно, как электропила, напоровшаяся на гвоздь в дубовом полене и готовая вот-вот испустить дух.

— Да ты же, сволочь, обманул меня, кругом обманул! Ты же обещал в любое время, когда спрошу, если дом на тебя!.. Зажал, гад?! Тебе ж полгорода платит, инвалид б...ский! Я ж стукну на тебя!.. Посажу!.. Засужу... Посажу...

Привычно дождавшись конца короткой истерики, Талоев стряхнул с рукава нечистые Наташкины пальцы и с трудом, но сдержавшись, возразил не без резона:

— В конуре своей убрать обещала? Где? Двор убрать обещала? Где? Сам я должен? Стирай!

— Тимурчик, пожалуйста, только дай, сил нет... Все тебе сделаю...

— А!

Еще раз плюнув, Талоев вышел из пристройки и, повозившись с ключами, скрылся за парадной дверью дома.

Из дома он вышел минуты через три, держа в руке тоненький одноразовый шприц с мутной жидкостью внутри и тускловатой иглой на конце. Шприц Талоев не глядя швырнул в приоткрытую дверь пристройки.

— На. Дрянь...

— Тимурчик, миленький, ты человек...

— А!

Недовольно бормоча что-то, Талоев проковылял к сараю в глубине двора, водрузил березовую чурку на старые дощатые козлы и взялся за пилу.

Эта лучковая пила, хоть и висела на виду, просто на ржавом крючке под навесом, была дорога хозяину и содержалась в полном порядке. Дров для прожорливой, еще в незапамятные времена треснувшей снизу доверху Наташкиной печи Талоев любил напилить и наколоть сам. Ему нравилось смотреть, как из-под узкого стального полотна бойким

фонтанчиком брызжут мелкие опилки, нравилось наблюдать, как эти опилки тончайшим сахарным ковром постепенно покрывают мерзлую грязь под ногами, нравилось вдыхать их рыхловатый, болотный аромат. Вспомнилось, как давным-давно отец, заметно припозднившись и напевая себе под нос, подходил к двери родного дома и сваливал с плеч пару поленьев. Отец подмигивал торчащему на крыльце маленькому Тимуре, дышал ему в лицо домашним вином и делал страшные глаза, указывая на дверь, за которой уже слышался сварливый женский голос. Отец тихо смеялся, и Тимур смеялся — но громко, приседая и счастливо хлопая себя по коленкам.

— ААААААА...

Мать Тимура выходила из дома, сердито бухая по скрипучим половицам босыми ногами и на ходу стряхивая мыльную пену с рук недостираемым полотенцем...

— АААА, ТИМУРЧИК, ААААААААА!..

...Жалобно пискнув, лучковка намертво застряла. Так не вовремя отвлеченный от милых воспоминаний, Талоев в ярости обернулся на крик. Наташка, путаясь в подоле и спотыкаясь, бежала к нему босая и простоволосая, с перекошенным лицом, воя на одной, разрывающей барабанные перепонки свиначьей ноте.

— ААААААА...

— Что тебе?!

— Она шевелится, Тимурчик, она живая!..

— Кто?!

— Шуба! Шуба эта твоя! Живая!..

— А!

Стремительно сатанея, Талоев ухватил за сучок попавшее под руку полено. Наташка успела повалиться хозяину в ноги, испуганно прижимаясь щекой к мягким яловым сапогам, и удар пришелся на спину. Потом еще и еще один. И еще — по голове и шее. И снова, снова...

— Опять?! Опять у тебя что-то шевелится? Удолбалась, бл...?!

На опилки густо брызнуло красным. Тяжелые кровавые капли неистово заплясали перед глазами, как бесенята. Мешаясь с

кровью, тяжелыми хлопьями повалил снег, и вдруг потемнело.

— Мордой сейчас тебя в эту шубу!..

Талоев, точно слепой, хватаясь за воздух руками, бросился к Наташкиной пристройке.

...Оттуда он выскочил синим от бешенства и — с топором в руках.

— Где шуба?! Уже с обрыва кинула?! А-шшшш!!!

.....

Господи, светлый Боже мой, есть ли что прекраснее этой Земли, когда на закате одевают ее первые зимние сумерки... Когда, накуражившись вволю, уходит из города за горизонт синяя туча и растопленным маслом течет на пышные, влажные сугробы заходящее солнце. Не замерзшая еще река утомленно дышит в ставших вдруг узкими белых берегах, словно горячее золото в ювелирной форме, и, жмурясь, глядят на нее бредущие с заводской смены люди и вдруг понимают, что ушла, наконец, постылая осень, и улыбаются неизвестно чему, и прибавляют шагу. Прохожие благосклонно поглядывают на пузатых снеговиков, спешно возводимых в каждом дворе горластыми малышами, и редкий взрослый рассердится, а не улыбнется, когда случайно залетит к нему за шиворот, больно ужалит и рассыплется десятком холодных кусочков крепкий ребячий снежок. Деревья, как перезревшими яблоками, щедро усыпаны стаями ворон, а вороны кричат так, что уши закладывает, но никто не ждет от этого крика несчастья. И только какой-нибудь хмурый дворник вяло чертыхается, по колению в сугробах пробираясь за старой деревянной лопатой к своей подсобке.

И не может, не должно быть никакого зла и горя в этом чудесном мире...

Шуба лежала в сугробе на берегу реки. Набивавший силу вечерний морозец слепил ее шерстинки в похожий на грубый наждак белесый панцирь, но это было ничего. Ведь не утонула же. А может — стоило?..

Шуба и думать не хотела, что там произош-

ло дальше с бедной женщиной, которую она перепугала до истерики, просто попытавшись утешить, погладить рукавом. Когда женщина с криком бросилась вон из своей конуры, шуба выскочила следом, растерянно заметалась, бросилась к ближайшему забору и — ухнула с речного обрыва вслед за несколькими трухлявыми кольями. Ледяная вода почти начисто смыла с нее грязь и собачью вонь. Но остались воспоминания, а главное, горькие мысли.

Что-то не так. Но что? Ее создали, чтобы она согревала. Чтобы согреть, нужно укрыть, приласкать, или... А все только шарахаются.

И вдруг шуба вздрогнула, пораженная внезапной догадкой.

«А нужно ли согревать, укрывать? А уж тем более расточать ласки? Не хотите — не надо. Ходите голыми, замерзайте. Вспомните меня потом, да поздно будет».

Так, в сердцах махнув рукой, сказал бы себе умный человек.

Но, понятное дело, ни ума, ни сердца, ни рук у шубы не было. Просто потому, что она не была человеком. И во всем обвинила только себя.

«Меня начинают бояться, когда я оживаю, — сообразила шуба. — Не я пугаю людей, а то, что сидит во мне, то, что дает мне возможность двигаться. Уж не знаю, как это назвать, но исполнять мой долг это мне больше не мешает, кланусь».

Шуба решительно стукнула рукавом по ближайшему сугробу.

Отныне эта гора искусственного меха — просто теплая одежда. Берите, пользуйтесь: одевайтесь, укрывайтесь, да хоть бы и ноги вытирайте, шуба не пошевелится. Только пусть вам будет хорошо.

Мысли мелькали все быстрее и быстрее, складываясь в простой и стройный жизненный план.

Те, кто успел увидеть ее живой, — скоро все забудут, как неприятный сон. Пожалуй, и рассказам их никто не поверит. Только...

Шуба невольно содрогнулась, припомнив некоторые факты из своей короткой биографии.

Только не будет она служить всяческой сволочи. Или просто тем, кто легко обойдется без ее услуг. Найдет способ сбежать, когда никто не увидит и ничего не заподозрит. На свете наверняка много тех, кому по-настоящему холодно. Отныне именно им посвящает шуба свою жизнь, сколько бы той жизни ни оставалось...

И почти тепло стало заиндеветшей шубе в огромном сугробе. И загорелись над ней — почти счастливой — зимние звезды. И, утешая, до утра баюкала ее тихая ночь.

И на рассвете, когда ухватили шубу за рукав чьи-то узловатые пальцы, она не шевельнулась. Может быть — задеревенела от мороза. А может — просто не хотела пробудиться от чудесной ночной сказки.

...Я приобрел шубу на городской толкучке.

Как уже было сказано, со времени описанных выше событий прошло больше года. Мое воображение изредка еще будоражили случайные разговоры. О давнем, очень странном, ограблении квартиры, когда неизвестные преступники, вломившись через окно, перепугали дочь хозяев, а унесли почему-то только сшитую этой девушкой не то шубу, не то ночную сорочку. Об угодившем в психиатрическую лечебницу молодом журналисте, якобы повстречавшем в нашем парке человека без головы. О страшном убийстве женщины, как-то связанном с какой-то тряпкой для ног...

Старый цыган, решивший вдруг продать шубу аж в начале декабря, почему-то расхваливал свой товар без всякого энтузиазма. Пока я пробовал на разрыв поблекший искусственный мех и разглядывал многочисленные пестрые заплатки, цыган глядел в сторону, а в ответ на вопросы только мычал невразумительно. Замечавшие эту сцену прохожие хмурились и торопились пройти мимо.

Но сделка состоялась. Уже ударили морозы, цыган просил за шубу истинные копейки, а в моем теперешнем положении привередничать не приходится.

Стихи и новеллы сейчас мало кого интересуют, так что...

За десяти-, а то и двенадцатичасовую смену наша небольшая бригада грузчиков перетаскивает на себе, наверное, тонн по пятьдесят стройматериалов. Пот прошибает сразу, а потом под куртку из кожзаменителя лезет холодный ветер, — и готово дело, поясицу не разогнешь. За невыход на работу — штраф, а то и увольнение. А куда податься при нынешней безработице? Так что без теплой верхней одежды даже мне — северянину — карачун. А кроме меня в бригаде одни узбеки, они, бедолаги, в нашем климате вообще волками воют.

Улугбек, один из четырех моих соседей по комнате в общежитии, каждый вечер усердно молится Аллаху, но помогает пока не так чтобы очень. Ночью через дыры в полу в нашу комнату забредают печальные крысы. Улугбек их боится, мы над ним за это смеемся. И мерзнем, мерзнем как собаки.

Так что покупка мною шубы приобрела характер сенсации. На шубу пришли взглянуть — по одному и целыми компаниями — чуть не все обитатели общаги: работяги со строительного комбината, матери-одиночки, какие-то личности неопределенных занятий... И каждому я был рад, ибо откуда ни возьмись явились на нашем колченогом столе и водочка с немудрящей закуской. И скоро я рассказывал всем, кому не лень было слушать, что приобрел по случаю ту самую живую шубу, о кото-

рой в прошлом году так много говорили и даже писали... И даже...

Я вообще люблю рассказывать за рюмкой всевозможные фантастические истории, надо мною за это смеются.

Но, засыпая тем вечером, я — пьяный и почти счастливый — был абсолютно уверен, что волею судьбы укутала меня на ночь именно она, помощница всех, кому холодно, чудо из чудес, волшебная шуба.

И снились мне звезды над огромным сугробом, лежа в котором дала эта шуба свою нерушимую клятву.

...Проснулся я в пятом часу утра — от холода. Через открытую настежь дверь комнаты тянуло пронизывающим сквозняком. А чудесная шуба моя исчезла.

Очевидно, кому-то она нужнее.

□

Кирилл Владимирович ОЛЮШКИН

родился в 1977 году в Петрозаводске.

Учился в ПГУ,

позже — в Литературном институте.

Окончил ВГИК в 2003 году

(Сценарный факультет, мастерская Н.Б.Рязанцевой).

Кинодраматург.

Автор сборника стихотворений «В пути» (Петрозаводск, 2000).

В журнале «Север» публикуется впервые.

